

Н. А. ВЫЖЛОВ

*СКВОЗЬ ОГОНЬ
ВОЙНЫ*

(ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАНА)

491553

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

С первых дней Великой Отечественной войны автор этой книжки Николай Александрович Выжлов находился в действующей Армии. В одном из боев он был ранен. Подразделение, в котором служил санинструктор Выжлов, было почти полностью уничтожено. Николай Александрович и один из его боевых товарищей, спасаясь от преследований фашистов, спрятались в сарае с сеном. Озверевшие враги обнаружили советских солдат и подожгли сарай.

Н. А. Выжлов и его боевой друг отстреливались, покуда не покинули силы. Обессиленных и измученных, фашисты взяли их в плен.

Долгие ночи и дни в фашистском лагере смерти, обиды и унижения и, наконец, побег из фашистского ада, а затем трудная и боевая судьба партизана — вот путь советского солдата. Об этом и рассказывает в своей книжке бывший партизан, ныне рабочий совхоза «Красная Звезда» Н. А. Выжлов.

Литературная запись
А. Романова и Б. Ромодина.

Николай Александрович Выжлов
СКВОЗЬ ОГОНЬ ВОЙНЫ

Редактор А. П. Гусев
Обложка П. Ф. Макарова

ГЕ00278. Подписано к печати 26. 2. 64 г. Бумага 84 × 108 ¹ / ₃₂ .		
Бум. л. 0,75	Печ. л. 2,46.	Уч.-изд. л. 2,36.
Тираж 15 000.	Цена 7 коп.	Заказ 385.

Областная типография, Вологда, ул. Калинина, 3.

ОТ АВТОРА

Я задаю себе вопрос: зачем пишу об этом? Кому это нужно? Ну, понятно, когда за перо берутся известные военачальники, в их воспоминаниях опыт и уроки. Такие люди располагают обширным документальным материалом. Они, словно с высоты, одновременно просматривают фронты в десятки и даже сотни километров.

Мои же документы — свидетельства рядового очевидца. Поле моего обозрения — всего лишь солдатский путь на войне. Этот путь был нелегким и горьким. Он был в чем-то даже необычным.

А для нынешнего поколения, по-моему, должно быть интересно все: и мудрый опыт маршалов, и правдивая исповедь солдат той, большой войны. И не только интересно, но должно быть необходимо, чтобы понять многое в жизни, не повторять прошлых ошибок и всеми силами беречь трудное наше завоевание — социализм и мир.

Итак, я решаюсь рассказать о себе, о своих товарищах, о наших солдатских дорогах.

ПЕРВАЯ ПОРЦИЯ СВИНЦА

Моя дорога на войну началась в лесах под Вологдой. Там мы проходили боевую выучку в легких лагерях. Как сейчас помню день 22 июня 1941 года — на редкость теплый, ослепительный, тихий. На этот день было назначено торжественное открытие наших воинских лагерей. К нам приехали гости из колхозов и предприятий. Настроение у всех приподнятое. Общий армейский митинг, спортивные соревнования, выступления концертной бригады — все дышало праздничностью, уверенностью и вдруг...

Вдруг радио принесло страшную весть — война! Это было такой неожиданностью, что сразу никто из нас не мог поверить. Думалось, что какое-то пограничное недоразумение. Да и не вязалось такое с удивительно солнечным днем, спокойной глубиной неба, со всеми синими, зелеными, пахучими красками лета.

Но тут пришел комиссар дивизии. Он сказал, что через час отправляемся в Вологду. И все мы почувствовали резкую, щемящую истину: да, началась война, и мы — солдаты.

Грузились спешно, и к вечеру были в городе. Мы понимали, что нас сразу же направят на фронт. И, по правде сказать, мы хотели попасть туда как можно скорей. Нам казалось, что война будет не продолжительной, и нам надо поспеть. Конечно, в этом чувстве было много юношеского. Мы тогда и думать не думали, какие испытания выпадут на долю каждого из нас.

На фронт выехали из Вологды через неделю. Я был санитарным инструктором. Наш маршрут — в

сторону Пскова. Через двое суток, ночью, мы добрались до конечной станции. Разгрузились и колоннами пошли к месту дислокации, в укрепрайон, который находился на стыке прибалтийских республик.

Здесь уже чувствовалась прифронтовая полоса: по дорогам — движение войск, в небе — тревожный нескончаемый гул. То ли от самолетов, то ли от артиллерийского обстрела. Это я потом научился распознавать грозные голоса войны, а в ту ночь слышал лишь один, предостерегающий, заставляющий сосредоточиться слитный гул фронтовой ночи. Но — удивительно — было не страшно, лишь всего меня охватило какое-то знобкое чувство.

...Наш полк готовился к бою — фашисты вплотную подошли к старым русским пограничным укреплениям, открыли сильный минометный огонь, обрабатывая квадрат за квадратом. Штаб полка находился в нескольких километрах от передней линии, в небольшой деревеньке Краснодудово. Мне с санитаром Сергеем Серовым (оказавшимся земляком-вологжанином), крепко сбитым, спокойным, немногословным человеком, было приказано отправиться на двуколках в передовой батальон, который столкнулся с фашистами. Там уже были раненые.

День клонился к вечеру. Впрочем, тогда мы этого, кажется, не замечали. Не все ли равно. На уме было совсем другое. И вот мы размашисто, мимо наших позиций, по дороге торопимся туда, к лесу, на передний край, в грохот и в огромное багровое зарево. Дорога вздрагивает под колесами от недалеких взрывов.

Не успели добраться до места, как над нами повис вражеский самолет. Он вырвался откуда-то из-за леса, вырвался так неожиданно, что мы не смогли свернуть с дороги в рожь. Пулеметная очередь взбугрила дорогу маленькими фонтанчиками. Моя лошадь, захрапев, рухнула наземь. Меня не задело. Сергей круто повернул в сторону. И пока самолет разворачивался, мы уже были в густой ржи. Он низко прошел над дорогой и пропал за леском. Так вот она, первая порция свинца, разряженная в нас врагом.

Мы сняли с моей повозки медикаменты, переложили на оставшуюся двуколку и вновь тронулись вперед. Ехали теперь по полю, возле ржи. Чем дальше — тем

сильней качается земля. Она стонала, ревмя редела, и наши нервы были в невероятном напряжении. Мы все делали молча или почти молча. Выехали, наконец, к леску.

Но тут случилось непредвиденное — в укрепрайоне наших не оказалось. Где они? Что с ними? В мозгу пронеслась пронзительно жуткая мысль: мы в тылу врага. Надо было срочно поворачивать обратно. Ехали по-прежнему полем. Двухолка поминутно путалась во ржи: уже стемнело. Багровые вспышки отодвинулись в сторону, вправо от нас, потом потянулись сплошными сполохами где-то за леском. По всему было видно, что немцы разворачивают широкое, хорошо подготовленное наступление.

Теперь нас волновало одно — скорей, как можно скорей к своим. Лошадь дыбилась, спотыкалась, а мы все гнали и гнали ее без передышки.

Ночью, когда выбрались на знакомую дорогу, впереди послышались приглушенные русские слова. Наши! Это действительно оказался тот батальон, в который мы направлялись из штаба полка. Он, сильно потрепанный в бою, отступал по приказу командования на новые рубежи. Мы влились в него. Нам с Серовым были поручены раненые, которых везли на двухколках. Командовал батальоном старший лейтенант Белолипецкий — молодой еще, очень живой, резкий в словах и движениях человек.

Я догадывался, что мы отступаем. На душе было невероятно горько. Люди почти не разговаривали, много курили, спешили. Мне с другими санитарями по существу на ходу приходилось перевязывать раненых, следить за подводами, груженными продовольствием и медикаментами. Это была тяжелая ночь, полная неясности и ожиданий, тревог и горечи. Может быть, тут я понял, что война скоро не кончится, что каждому надо собрать всю силу духа, чтобы выстоять, выдюжить, обрушить на проклятого врага свою месть.

НАС ОСТАЕТСЯ ШЕСТЕРО...

При отступлении на Псков небольшая колонна наших подвод, тянувшаяся в арьергарде батальона, была неожиданно отрезана фашистскими танками. Нас за-

метили, открыли бешеный огонь. Мы только успели свернуть в кустарник, как рядом загрохотали вражеские машины.

Нас осталось шестеро. Мы лежали в канаве, в пятнадцати метрах от дороги. Нервы были взвинчены до предела. Угнетала неясность: где наши? Я хорошо помнил приказ старшего лейтенанта Белолипецкого — двигаться в расположение полкового пункта медицинской помощи. Но где сейчас этот пункт, когда вперед вырвались немцы?

Вдруг движение танков оборвалось. По дороге стлалась густая пыль, тянуло жарким дымом, орудийный гул откатывался за лес. Мы только собрались отойти в глубину кустарника, чтобы найти объезд, как рядом показалась легкая бронированная машина. Она затормозила и остановилась. Из нее вышли трое.

Вот тут мне впервые удалось разглядеть врагов в упор. Лающие голоса, холодное выражение лиц, черные перчатки, гвоздевая осанка. Один из них, высокий, перетянутый ремнями, в блестящих сапогах, взял бинокль и стал рассматривать опушку леса. Это, по всему, был старший. Остальные почтительно стояли рядом с ним, такие же холеные, в таких же блестящих сапогах.

Мы вскинули винтовки. Я лежал за травянистой кочкой, чувствуя, как под боком торчит сломанный куст. Сергей Серов — поблизости от меня, за старой березой, каким-то чудом уцелевшей после недавнего обстрела среди этого мелкого и невзрачного березняка. Остальные ребята — кто где. Все это длилось несколько секунд. Мы все целились. Я не знаю, почему мы тогда так тщательно целились, ведь враги — всего в нескольких шагах, промахнуться невозможно. Но мы целились очень тщательно, с каким-то спокойным ожесточением.

Наши выстрелы захлопали почти одновременно. Высокий офицер, уронив бинокль, переломился в смертельном поклоне в нашу сторону и грохнулся на дорогу. Другой схватился за грудь, третий как-то странно крутнулся на длинных ногах и сунулся в машину. Этих мы, видимо, ранили. Через мгновение машину как ветром сдуло. На дороге остался долговязый немец с крученными погонами.

Мы хотели выйти на дорогу, чтобы осмотреть убитого, но тут сзади послышался гул новых машин. Надо было уходить. В кустарнике мы разыскали бруствер и на трех оставшихся повозках двинулись в лесную глубь.

Ехать было тяжело: место болотистое. Приходилось поминутно вытаскивать колеса из трясины. С нами был раненый в голову красноармеец Романов. Он ничего не мог говорить, только жестами просил оставить его, он понимал, что все равно не выжить. Но разве можно решиться на такое?

Наступила ночь. Мы решили отдохнуть, а наутро двигаться дальше, в сторону Пскова. Все-таки там где-то должны быть наши. Проверили, что осталось в повозках. Оказалось, что у нас ящик с гранатами, станковый пулемет с полным комплектом лент и патронов, мешок муки, два мешка сухарей и набор медикаментов.

Но отдохнуть нам не удалось. Начался огневой прочес леса. Здесь, видимо, рассредоточились наши боевые группы, отрезанные от главных частей танковой атакой, и теперь немцы решили ударить по ним минометным огнем. Посоветовавшись, мы с Серовым пошли в разведку: двигаться вслепую было опасно. Через час мы вернулись и рассказали, что впереди лесной массив пересекается шоссеиной дорогой, а по ней непрерывным потоком тянутся немецкие войска. Надо было резко отклониться в сторону...

Вскоре умер наш боевой товарищ Романов. Похоронили его на бугре, возле берез. Минутным молчанием проводили в последний путь. В его красноармейской книжке значилось, что родом он из Алтайского края, колхозник, женат. Лишь на миг мы подумали, что там, в далекой деревне, ждет писем жена, ждет и уже не дождетя. Более гнетущего чувства я, кажется, еще и не испытывал. И молча решил: как только выберемся к своим, сразу же напишу туда письмо. Этого человека я совсем не знал. Он был ранен еще в укрепрайоне. Я только запомнил его, грузного, большерукого, с немой тоской в глазах, более суток молча терпевшего страшные боли. Видимо, это был крепкий человек. И хотя после я видел (пришлось) еще много смертей, но память о том алтайском товарище, похороненном в ле-

су под Псковом, особо трогательно и отчетливо жива во мне до сих пор.

Тогда, в те суровые, печальные минуты прощания, я остро почувствовал звериную жестокость фашизма, тупую расчетливость оголтелого врага. И, кроме того, во мне прояснялась догадка, что мы плохо подготовлены к войне, а поэтому и вынуждены нести совсем неоправданные жертвы. Как далек я был теперь от себя самого той, предвоенной поры, когда все казалось ясным, когда в душе и в самом деле жила непоколебимая уверенность, что ни пяди своей земли никому не отдадим. Это было мучительное прозрение рядового человека, оказавшегося по воле трагических обстоятельств отрезанным от своих основных воинских частей. Конечно, жгло смятение, но в глубине души все-таки была надежда, что виной всему чья-то ошибка, и эта ошибка вот-вот должна быть исправлена. Никак не верилось, что подобное творится и на других фронтах. Человек в трудные минуты живет надеждами на лучшее. Без такой веры — сразу паника, а за паникой непременно приходит гибель. Это — истина войны.

СТЫЧКА В ГОРЯЩЕМ СЕНОВАЛЕ

Мы осторожно двигались все дальше по лесу. Ориентировались приблизительно. К следующему вечеру вышли на лесную опушку. Впереди — поле, небольшая деревенька. В ней тихо. Решили разведать. По огородам, по картофельной ботве, зашли в крайний дом. Здесь жила старушка-учительница с дочерью Галей, студенткой Псковского пединститута.

Встретили нас хорошо. Поставили самовар, принесли молока, хлеба. Рассказали, что немцы здесь уже были, Псков оккупировали еще 6 июля. Теперь они продвигаются на Старую Руссу. Тут я подумал про себя: как же так получается — в ту страшную ночь, то есть 8 июля, мы получили приказ отходить к Пскову, а город уже был взят. Что это, провокация? Или роковая ошибка? Мы оказались в окружении. Надо было что-то придумывать.

Решили — прежде всего отоспаться. Уже прошло около трех суток, как мы не спали. Пережитое давало себя знать — мы буквально валились с ног. Легли

спать в садике, где стояла копна свеженакошенного сена. Если что случится — нас должна была предупредить Галя. Она была надежной девушкой, комсомолкой. И действительно, Галя дежурила всю ночь. Я чувствовал себя старшим в нашей группе — сержант среди рядовых. Сам вставал ночью два раза, чтоб прислушаться к тишине, и видел, как Галя не отходила от крыльца, сидела, маленькая, чуткая, до самого утра.

Ночь прошла спокойно. Рано, на заре, мы собрались, чтобы обсудить обстановку. Договорились продвигаться теперь в обход Пскова, значительно севернее его, где нет больших дорог, и наступление фашистских войск затруднено частыми лесами и болотами.

Но нашему плану не суждено было сбыться: в Морковку (так называлась эта деревенька) неожиданно ворвался вражеский отряд. Мы разбежались кто куда. Я с Серовым — по задворкам, к старому полуразрушенному сеновалу, стоящему в стороне от домов. Там было прошлогоднее сено. Приготовив винтовки, мы зарылись в сено и стали следить в щели между бревнами за тем, что делается в деревне.

Мы видели, как немцы сновали по домам, вытаскивали всякую живность, которая попадала под руки. На улице творилось что-то невообразимое: шум, крики, плач, дикая чужая ругань. Как хотелось открыть огонь по извергам, руки тянулись к винтовкам, но это было безрассудно: слишком неравны силы.

И если бы не наши лошади, стоявшие на привязи в черемуховом садике, у пруда, нас немцы не заметили бы. Но тут случилось непоправимое. Фашисты вытащили из дома Галю с матерью, стали допытываться, чьи лошади, кто в деревне. Галя с матерью разводили руками. Немцы начали повальный обыск.

Они осматривали все: солому возле дворов, чердаки, погреба. Мы с другом затаенно ждали: неужели кого-нибудь найдут? Неужели?

И вот видим: по задворкам к нашему сеновалу спешат пятеро солдат да с ними еще двое, в обычных деревенских пиджаках. На рукавах этих двух странных мужчин — какие-то повязки. Видно, новые полицаи.

Что делать? Мы приготовились к отпору. Лучше погибнуть, чем попасть живыми к извергам. Еще глуб-

же зарылись в сено, лежим, молчим в оцепененном напряжении. Вот уже второй раз судьба сталкивает нас лицом к лицу с врагами.

По сеновалу ударили автоматные очереди. Мы слышали, как пули щепали бревна, со свистом впивались в сено. Где-то рядом, возле нас. Немцы подошли вплотную.

— Вылезайте! Спалим заживо! — крикнул один из полицаев. Мы молчали. Тогда — мы это слышали — кто-то из них чиркнул спичкой. И сразу зашуршало, запотрескивало сухое сено. Потянуло едким, удушливым дымом. И тогда мы нажали на спусковые крючки — немцы шархнулись вплотную к стенам.

...Я только помню, как меня, обгоревшего, избитого прикладами, уже днем допрашивали в одной из деревенских изб. Сознание было мутным, перед глазами всплывали то желтые, то черные круги. Я еле держался на ногах.

Передо мной сидели четыре фашиста. Рядом один из полицаев, узколицый, полупьяный, совершенно лысый. Он был у них вроде переводчика. Немцы спрашивали: кто я? Я сказал: «солдат».

— Врешь! — закричал полицай. — Ты комиссар!

Я повторил, что солдат. Тогда меня снова начали бить, и я потерял сознание...

Итак, я оказался в плену. Теперь, спустя много лет, иногда думаю: мог ли я тогда миновать этой тяжелой унижительной участи? Не было ли это моей личной ошибкой? Может, в те дни, когда попали в окружение, мы совершили какой-то просчет? Да и другие вопросы приходилось задавать самому себе.

Но, во-первых, мы тогда были стремительно отрезаны от своих частей лавиной фашистских бронированных войск. Что нам оставалось делать?

Во-вторых, о какой-то личной ошибке не может быть и речи. Человек на войне больше, чем где-либо коллективист. Один среди огня войны — ничто. И я никогда не отрывался от друзей, шел с ними до конца.

В-третьих, был ли просчет в нашем маршруте к своим? Вот на этот вопрос я до сих пор ответить и сам не могу. Мы же находились в полном неведении, мы шли по приблизительным ориентирам, и, конечно, тут могла бы выпасть на нашу долю и счастливая случайность.

Но такой счастливой случайности, к сожалению, нам не выпало.

Плен — это противоестественное состояние человека. И самое трудное в плену — остаться по-прежнему человеком, не опуститься, не потерять веры, а продолжать бороться до конца не только за свою свободу, а и за свободу товарищей по несчастью. Я убедился, что настоящие советские люди, попав в такие трагические обстоятельства, вели себя именно так, как герои. Сколько было совершено потрясающих подвигов в застенках, в лагерях смерти, за глухими заборами из бетона и железа! Об этих подвигах еще мало знают наши люди, да и узнать нелегко, потому что много героев погибло на поле боя, не дождавшись своего счастливого часа.

Однако я отвлекся. Из деревни Морковки нас с Серовым вместе с другими военнопленными (среди них других ребят из нашей группы не было; мы не знали: или их не нашли, или с ними случилось что-то непоправимое) отправили в лагерь, что находился в городе Острове. Но там жить мне пришлось недолго — вскоре меня перевели в сильно укрепленную и страшную, по слухам, Двинскую крепость. В Острове с болью, с каменной тоской расставался с моим земляком Сергеем Серовым. Расставались мы навсегда, и на душе было очень тяжело. Впереди меня ждала иная, неизвестная мне жизнь.

ЧЕРЕЗ МРАЧНЫЕ БАСТИОНЫ

Во всю длину старой церкви — трехъярусные нары. Свет пробивается с трудом в узкие решетчатые окна. Он не достигает пола и матово висит над нарами. Духота. Люди, раненые и больные, лежат вповалку.

С грохотом распахивается дверь. Немцы! Я поднимаюсь на локтях. Вижу: под черными сапогами тает белый морозный пар, на шинелях — гладкие крученые погоны. Кажется, что лиц нет вовсе. Только ледяные презрительные маски.

Эти маски что-то кричат. Переводчик, жирный, на кривых ногах, объясняет: «Приказано строиться. Надо идти работать. Надо расчищать лагерьный двор...»

В голове свинцовая тяжесть. Это после побоев. Скорей бы встать и выйти на воздух.

Лагерный двор широк. Завален черт знает чем. А вокруг крепостные старинные стены. Я прикидываю: «Сажени три в высоту» Пять массивных ворот. Возле каждого ворот — полукружием бастионы с бойницами. И везде — охрана.

На душе мучительно тяжело. Так жить нельзя. Лучше получить пулю, чем получать эту гнилую баланду и строиться под выкрики на работу. Мысли разламывают голову...

Через несколько дней завязываются знакомства. Завязываются по-разному. Поскользнулся, когда поднимали бревно — кто-то подставил плечо. Оглянулся: заросшее бородой лицо, хорошие глаза. Оказалось, что этого человека зовут Алексеем Ильиным, он москвич. Попросили закурить двое — один худенький, жилистый, другой пошире в плечах, с забинтованной головой. Разговорились. Это были Виктор Нефедьев и Ваня Белов. Так постепенно склотилась группа. У каждого одна и та же мысль: бежать! Но как? Каким образом?

Лагерь находился в Двинске, в Латвии. Фронт далеко, где-то под Москвой. Оставалось одно — только в Белоруссию, к партизанам. С этим согласились все. Но бежать сразу было нельзя: еще давали себя знать контузии и раны. Да и подготовиться надо было как следует.

Шли дни, полные тревог и мучений. Каждое утро распахивалась в церкви тяжелая дверь, и лающий окрик приказывал строиться. Временами казалось, что все это кошмарный горячечный сон.

И вот однажды утром меня, Нефедова, Белова и еще несколько человек, которые поздоровей, выталкивают из строя на пять шагов вперед. Рыжий офицер в пенсне, постукивая тростью по лакированному голенищу, подходит к каждому из нас.

— Номер! — орет он по-русски. Каждому надо назвать номер, под которым числится в лагере. Ни имени, ни фамилии не существует. И хотя номер у каждого пришит на спине и рыжий видит эти цифры, но все равно, будто не замечая, орет: «Номер!» Чуть зазеваешься — черная трость обрушится на голову.

Я молчу — удар по голове.

Нефедьев молчит — на шее багровый след.

Белов молчит — рваная шапка валится в снег...

Но рыжий сегодня настроен «добродушно»; он ограничивается тростью. Нас строем уводят от церкви к самым дальним крепостным воротам, где белеет грузное кирпичное здание. Это немецкий госпиталь. Переводчик, жирный и мрачный, объясняет, что здесь нам дается более «почетная» работа — разгружать раненых, мыть в госпитале полы, помогать по кухне. И он уверен, что здесь мы заслужим доверие великой германской империи, а империя дарует нам жизнь.

Люди остаются немцы.

И однако мы рады: здесь больше возможностей подготовить побег — ворота поблизости, есть вольнонаемные из латышей, значит, затеряться можно быстрее да и разузнать кое о чем здесь легче.

Поселили нас в холодной пустой комнате. Рядом жили два унтер-офицера Петер и Зегерс. Офицерская комната охранялась. Я заметил, как эти вышколенные, коленные молодчики сделали вид, что русских не замечают.

«Надо быть осторожным, это проверка», — подумал я и сказал друзьям.

Но мысль о побеге не давала покоя. И где бы мы ни были, все время зорко присматривались, прислушивались, примеривались. Каждый день приносил что-нибудь новое. Как-то мыли длинный госпитальный коридор и наткнулись в самом конце его на странную комнату. Просунули в дверь швабру — там оказались солдатские стеганки. Вот это находка! Но как вынести, где припрятать? Стали искать подходящее и надежное место.

Возле ворот, у самого бастиона, стояли какие-то деревянные постройки. Алексей Ильин разузнал, что там есть укромное местечко, за тесовой обшивкой.

Выждав, когда в госпитале закончился врачебный обход, я и Ильин с мешком под мусор подошли к комнате. Огляделись — в коридоре никого. Я сильно нажал на железный пробой. Он подался. Через минуту мы были там. Скорей, как можно скорей! Четыре стеганки, туго скрученные, положили в мешок. Холодный пот проступил на лбу. Мешок — на швабры. И — по коридору, к ближнему выходу.

В дверях, как на грех, наталкиваемся на Зегерса. Немец остановился. Черной перчаткой делает знак:

приходится объяснять, что несем сжигать разную солдатскую рвань. Унтер-офицер подозрительно смотрит в глаза. Надо остаться равнодушным. Я чувствую, как стучит в висках. Зегерс ничего не обнаруживает. Скорей туда, к постройке!.. Через пару дней так же были вынесены простыни — они вместо маскировочных халатов. Теперь оставалось решить, как выйти из крепости.

Я помнил, что в один из бастионов есть свободный вход. Там хранились разные строительные материалы. Мне пришлось раза два там бывать с плотниками — вольнонаемными латышами. Там пилили доски для кроватей. И я, улучив минуту, забрался по узеньким, полуразрушенным ступенькам наверх, к бойницам.

Какое это было чувство! Глазу открылся кусок белой равнины с дорогой, с березами, с тихими домиками. Свобода! Сердце охватила пронзительная тоска. Хотелось сейчас же выбить камни, прыгнуть туда, бежать что есть силы в эти чистые и тихие снега! Около одной из бойниц обнаружил растрескавшиеся кирпичи. Пожалуй, можно выбить...

И вот сейчас, когда ночью полушепотом обдумывали план побега, я предложил этот вариант. Все согласились. Действительно, это был лучший план для осуществления побега.

Назначили число. Решили уйти 25 декабря после 8 часов вечера. Будет уже темно, до отбоя далеко, на двор можно выбраться без лишних подозрений. А охрану, что стоит у ворот, придется обойти, сделав ложный круг к дальнему выходу...

Наступило 25 декабря. День тянулся необычно долго. Метелило. По небу стлались низкие облака. Еле дождалось до вечера. На душе знобко, все чувства обострены до предела. Лишь бы не случилось чего-то непредвиденного. Но все, кажется, идет своим чередом: обычная уборка в госпитале, стояние в очереди за баландой, опять уборка... И вот стрелки на коридорных часах ползут к восьми...

...Мы с Ильиным спускаемся во двор. Метет поземка. Это хорошо. Спустя несколько минут выходят Белов с Нефедьевым. Так же неторопливо, как будто по своим обычным делам. На дворе сумрачно. Свет от башен расплескивается на ветру жидкими кругами.

Сделав ложный круг, резко поворачиваем в сторону сарайки, где припрятана одежда. Стараемся держаться в тени. Вот они, стеганки, без проклятых номерных знаков! Через мгновение одеты по-новому. Теперь — скорей в башню. Заскочили. Прижавшись к стене, отдышались. Шаги ближнего автоматчика удаляются в сторону ворот.

В темноте я нащупываю заранее припасенный тяжелый дубовый брус. Ступеньки осыпаются под ногами. Вот и бойница. Дует холодом, где-то вдалеке желтеют окна домишек.

Глухой удар брусом по краю бойницы. Сыплются кирпичные осколки. Кажется, гремят они невероятно. Надо подождать. Тишина. Где-то послышалось гудение грузовой машины. Опять удар. Отвалившийся кирпич рухнул по ту сторону. Ждали грохота, но грохота не последовало. Значит, там глубокий снег. Это замечательно — безопасней прыгать.

Так мы корчевали бойницу с полчаса. Торопились лихорадочно, молча. Наконец, хоть и с трудом, но можно было протиснуться. Стеганки и простыни сложили вместе. Прыгали в одних рубашках. Первым прыгал Нефедьев. «Ну, Виктор», — шепнули мы, помогая товарищу протиснуться боком. Тот кивнул и с каким-то дерзким отчаяньем разжал руки. Мягкий стук — и больше ничего. Я высунулся. Внизу более чем десятиметровая стена. И Виктор уже был там внизу, на свободе.

Вниз полетели стеганки. И один за другим, обдирая кожу на руках, на боках, прыгали товарищи. Прыгали кто как, лишь бы скорей да не удариться головой о стену. Дымился сугроб. Но с такой высоты и сугроб помогал плохо: Белов ударился больно, Ильин подвернул ногу. Но тут было не до этого. В горячке, с какой-то хмельной одержимостью они, прихрамывая, бежали вдоль стены, путались в снегу, скорей туда, к дорожному повороту.

Но тут случилось страшное. В лагере заметили наше исчезновение, прокатилась тревога, и взвод охранников уже вырвался из ворот.

— Все пропало! — мелькнуло в захоловшем сознании, и я почувствовал, как рядом, взрывая снег, шлепнулись первые пули.

СНОВА ПОБЕГ

Я очнулся в темном, узком, бетонированном подвале. Ночь прошла, две ли ночи — понять не мог. От озноба свело все тело. Повернул головой — на меня повалились стены. И вдруг понял, что это только кажется, что это все после вчерашнего... Перед глазами поплыли вражьи лица, искаженные злобой и остервенением. Допрос под брезентовым навесом. Резиновый жгут, проволока, свинчатка. И черный зрачок пистолета, нацеленный в упор...

Нет, ничего не добились гады! Ни одного жалкого слова. Мы теперь поняли цену словам. Слова — это совесть. И если фашисты оставили нас живыми, то мы еще покажем, на что способен русский человек. Пусть была неудача. Мы пройдем сквозь сто неудач, но своего добьемся! Но где товарищи? Что с ними?

Через несколько дней я попал в барак строгого режима. Работать не мог: ушибы заживали медленно. А если не работаешь, то не получаешь никакой еды. Да что это была за еда? Двести граммов эрзац-хлеба (пополам с древесной мукой), черпак мутной похлебки, без соли, с нечищенной картошкой.

И вот тогда вновь на выручку пришли добрые, славные люди, товарищи по суровому испытанию. Здесь были четыре совсем молоденькие девушки — Катя, Аня, Нина и Зина.

Война застала их студентками Ленинградского медицинского института. Когда фронт подошел к Неве, они, как и все ленинградцы, рыли окопы, траншеи, строили заграждения, а потом их послали в полевой госпиталь. На передовой была нехватка медиков. И хоть они в институте позанимались мало, в госпитале работать пришлось фельдшерами.

Однажды немцы прорвали на одном участке нашу оборону, и госпиталь, где были подруги, не успел эвакуироваться. Что тогда было! Красный крест, состроченный на белой простыне, не остановил фашистских убийц. Не могли остановить и четыре винтовки в девичьих руках....

Обо всем этом они рассказали мне, когда узнали, что я с товарищами пытался бежать. И каждый день то одна, то другая приносили что-нибудь поесть. По-

долгу сидели возле меня, врачевали как могли, заслоняли, как будто случайно, когда в барак вваливалась схрана, заприметив что-нибудь подозрительное. Все-таки им, таким молоденьким, на первый взгляд, совсем беззащитным, доверяли больше, чем кому-либо.

Но девушки были не такими слабыми, как казалось. Они тоже давно задумывались, как бы вырваться из этого каменного гигантского колодца, через мрачные бастиины. Но только как? Я, видимо, в их глазах был именно тем человеком, с которым можно поделить-ся обо всем. И мы снова начали думать о побеге.

Шли мучительно долгие дни. Наступила весна. Здоровье возвращалось медленно. Но работать приходилось — за каждый невыход на работу давался карцер. Да и надо было выходить: вновь следовало осмотреться, прислушаться, примериться. По-прежнему заставляли работать на вражеский госпиталь: пилить дрова, разгружать машины, расчищать подъезды, а то, бывало, и просто бессмысленные дела приказывали делать, вроде того, что переносить мусор из одной помойки в другую.

Народ в лагере менялся. Кого увозили в Германию, кого — в другие места. Так я и не мог разузнать о дальнейшей судьбе своих товарищей по первому побегу из этой проклятой Двинской крепости. Что с ними, где они? Какие были славные ребята!

Лишь потом, спустя много недель, я напал на след Вани Белова. Оказывается, тот еще находился в крепости, тоже пройдя через зловещие бетонные карцеры. Теперь была одна мысль — встретиться с Беловым. Белов работал, как узнали девушки, в отдаленных корпусах. Пройти туда поначалу не было никакой возможности: везде охрана.

И лишь когда на лагерном дворе началась массовая уборка сваленного за зиму и вытаявшего сейчас разного хлама, я увидел своего друга. Он шел в своей колонне сзади. На нем была какая-то старая солдатская гимнастерка, пилютка и вместо сапог противоопритные бахилы. Я крикнул. Белов осторожно огляделся, а когда узнал, то исхудавшее и потемневшее лицо как-то сразу помолодело, повеселело.

Спустя некоторое время нам удалось сойтись. Обнялись, расцеловались. Сразу же: «Где остальные?» Но

Ваня тоже не знал. После того случая их раскидали в разные стороны. И живы ли они теперь?

Не теряя времени, начал полупшепотом посвящать своего друга в новые планы. Рассказал о девушках. Те близко сошлись с латышками, работавшими у немцев по найму. Латышки обещали помочь: принести в лагерь гражданскую одежду.

— Гражданскую одежду? — переспросил удивленный Белов.

— Да, гражданскую, — подтвердил я. И Ваня сразу понял: это был очень рискованный план побега — выйти из лагеря, сквозь самую охрану, через бастионы, под видом вольнонаемных.

— Но как быть с пропусками? Ведь пропуска выдают только немецкие власти...

— Да, пропусков нет, их достать невозможно...

Белов молчал.

Но тут договорить нам не удалось. Конвойный заметил стоящих без дела, подскочил, замахнулся прикладом и закричал что-то истеричное. Пришлось разойтись.

Через некоторое время, когда выпала возможность, мы сошлись вновь под видом искурить одну на двоих тощую цыгарку плесневелой махорки. Белов недоумевал: как это без пропусков? Может, поддельные достать?

-- Поддельные тоже невозможно — нужна особая бумага. Нет, тут другое — я присмотрелся, как меняется в воротах охрана. Есть такой момент... Риск так риск!

И Белов согласился. Только тут же сказал, что у него есть новый надежный товарищ — Саша Осока, украинский хлопец. Его тоже надо взять с собой. Это была железная договоренность.

А потом, при следующей встрече, мы условились о дате. Выбрали 12 июля. Решили пытаться пройти через старофорштадские ворота (так назывались ворота, где стояла проходная для вольнонаемных) в конце рабочего дня, когда люди выходят густо. Теперь все семеро — Белов, Осока, я и девушки — стали жить одним тревожным, напряженным ожиданием этого дня. Одежду — обыкновенные рабочие куртки и штаны, сшитые на прибалтийский манер — каждый запрятал, где

мог. У меня она хранилась под половицей, в темном углу барака.

И вот наступило 12 июля. Погожий теплый день. Тихий, очень тихий. Тишина казалась грозовой. С утра мы старались держаться поблизости друг от друга. И тут надо же случиться такому: из близ находящегося от Двинска другого лагеря приехал какой-то высокий начальник. Он сразу же прошел в комендатуру.

И вскоре после этого по баракам начался обыск. У нас захолонуло сердце. Охранники перетряхивали все, что могли. Людей выстраивали возле бараков. Приказывали снимать обувь, ее сразу же откидывали в кучу. Всем было велено одеть на ноги деревянные колодки.

Мы сразу почувствовали что-то неладное. Уж не предательство ли? Но охранники ничего подозрительного не находили.

Надо было не ждать вечера, а уходить сейчас же, после обыска, когда охрана успокоилась. Латышки собирались на обед. С ними было несколько мужчин. Все они знали о готовящемся побеге.

Старофорштадские ворота! Вот они, сверху увитые колючей проволокой, а внизу замурованные в камень. Я вижу, как бледнеют товарищи, когда до ворот остаются считанные шаги. Сам чувствую, как холод ползет по спине. Беру под руку Катю, маленькую, совсем изменившуюся в новой одежде. Рядом Зина с латышкой, невысокой, белокурой, усталой женщиной. Впереди идут мужчины, громко разговаривают по-латышски. Белов с Осокой сзади, они среди молоденьких незнакомок.

Вдруг мужчины впереди останавливаются. Они прикуривают. Очень долго прикуривают, ищут по карманам спички. Я сначала не понимаю, в чем дело. Нервы напряжены до предела. Потом догадываюсь: мужчины ждут, когда подойдут вплотную все, кто сзади. И еще ждут того момента, когда охранник выйдет из проходной открывать ворота подъезжающей машине, привезшей в лагерь лесоматериалы.

Только тут оцениваю сметку мужчин: с машиной будет меньше задержки. Так и получается. Неповоротливый, обросший щетиной охранник неловко ковыляет к машине, смотрит на шоферский документ, а затем идет к воротам.

И вот они, эти железные ворота, наконец-то раскрываются. Люди жмутся по сторонам, освобождая путь машине. Охранник дает знак: предъявить пропуски. Мужчины небрежно достают тисненые картонки, говорят с солдатом о чем-то по-немецки, и тот, заинтересовавшись разговором, на минуту забывает вернуть пропуск, держит в руке, а остальные между тем проходят рядом, лишь показывая заранее приготовленный пропуск или делая вид, что вот-вот, сию секунду, они его извлекут из нагрудного кармана. Это длится минуту, не больше...

Я чувствую, что уже за воротами. За нами — остальные. Шаги все крупней. Надо бы помедленней. Надо сдержаться. Пахнуло свежестью, но воздуха все мало. Только не оглядываться. Теперь — только вперед!..

...И лишь спустя несколько минут, когда придорожный кустарник ударил в лицо, я понял, что, наконец-то, кончилась ночь, черная ночь плена. Мы побежали с товарищами, задыхаясь от ветра, к Западной Двине, оставив на повороте дороги замечательных людей, имена которых так и не пришлось узнать, но которые остались в наших сердцах навсегда. Впереди нас ждала большая и трудная дорога к белорусским партизанам, к настоящим боям, где некоторым из нас суждено было отомстить трижды проклятым фашистам за горести и беды людские.

ВОЗДУХ СВОБОДЫ

День 12 июля 1942 года будет помниться мне всю жизнь. Трудно передать словами то состояние, которое мы тогда испытали, впервые после долгих месяцев фашистского плена оказавшись на свободе.

Фашистский плен — страшные слова. Даже для тех, кто знает о нем лишь понаслышке, по книгам. А мы, как говорится, на собственной шкуре испытали весь его ужас. Что там самое страшное? Что каждый фашистский солдат может не только обругать или избить тебя, но и убить. Что в ход пущена, кажется, самая изощренная, дьявольская выдумка, чтобы вдолбить тебе в голову: ты скот, нет, хуже скота. Ведь за скотом как-то ухаживают, берегут, а мы специально были по-

ставлены в такие условия, которые обрекали нас на медленную, мучительную смерть. И мы ничего не могли сделать. Лишь в бессильной ярости стискивали зубы.

И вот свобода. Мягкая, пахнущая прелью трава. Кусты, притаившийся вдоль оврага робкий осинник. Тоненькие, милые, как на родной Вологодчине, березки... Но эта свобода еще относительная. Где-то, может быть, совсем рядом рыщут по лесу, разыскивая нас, фашистские автоматчики, носятся по дорогам мотоциклисты. Нас еще подстерегают тысячи опасностей. Надо обойти их. Надо обмануть врага не только для того, чтобы сохранить собственную жизнь. Чтобы мстить врагу безжалостно, беспощадно.

По опыту предыдущих побегов и по рассказам других военнопленных мы знали: фашисты обычно ищут беглецов вдалеке от лагеря, рассчитывая, что они постараются уйти как можно дальше. Поэтому мы заранее решили держаться первые дни неподалеку от лагеря. Наверно, именно эта хитрость и спасла нас. Сдерживая себя, мы шли медленно, осторожно, стараясь не ступать на сухие сучья, далеко обходя каждый встречавшийся на пути хутор.

И вот река. Западная Двина. Подошли к ней уже под утро, за три дня, точнее за три ночи преодолев всего одиннадцать километров.

В предутреннем сумраке вода реки казалась холодной и тяжелой. Далеко-далеко, сквозь поднимающийся туман чуть заметно темнеющей полосой проступал противоположный берег. С тревогой вглядываясь в него, долго стояли у самой воды. Каждый из нас, семсрых беглецов, в том числе и девушки, умел хорошо плавать. Но тут невольно сжималось сердце. Река широкая, полноводная, с быстрым, могучим течением и множеством ключей-выюнов. А нужно ведь не просто переплыть ее — еще и переправить на тот берег и одежду, и запас продуктов.

Одна из девушек, кажется, это была Зина, попробовала отплыть и вернулась назад.

— Тяжело. Огнетает...

Приободрил ее, поправил привязанный к голове сверток одежды, потуже затянул стягивающий этот сверток кушак. Когда все шестеро стали скрываться из виду, сам зашел в воду.

Не знаю, как мне удалось переплыть реку. На голове был привязан тяжелый узел. Одни только сапоги — кованные немецкие сапоги на медных шпильках — сколько они весили! А еще был изрядный запас продуктов. Все это тянуло тело вниз, в воду. Чуть не теряя сознание, с большим трудом выбрался на берег и тут же у самой воды без сил плюхнулся на песок.

Сколько я пролежал — трудно сказать. Очнулся от холода, оглянулся. У самых моих ног, почти доставая до них, плескалась речная волна. Над головой высокий обрывистый берег. Ни на берегу, ни на воде никого не было видно.

Где же товарищи?.. Кое-как выжал одежду. О том, чтобы высушить ее, конечно, нечего было и думать. Мокрую, холодную напялил ее на себя и несколько раз по километру по два прошел вдоль реки по берегу. Где же они? Неужели все утонули? Лишь много позднее, через год с лишним в одной из партизанских бригад посчастливилось случайно встретить одного из наших беглецов — Сашу Осоку. От него я узнал, что все шестеро, не переплыв реку, вернулись назад и все же сумели благополучно добраться до партизан.

Но тут сделалось не по себе, сердце сдавила страшная тоска. Опять один. А кругом опасность, немцы, полицаи. И даже каждого встречного местного жителя приходится остерегаться. Кто он? Не предаст ли?

Решил идти вдоль берега, вверх по течению реки. Но уже начинался рассвет, нужно было где-то отдохнуть, дождаться ночи. Увидев маленький необычный хуторок, зашел в него. В комнате никого не было. У окна стояла прикрытая красным одеялом кровать. Прямо в мокрой одежде упал на нее и лишь тогда, словно сквозь сон, услышал откуда-то сверху, наверно с чердака, женский голос:

— Уходи, не то худо будет...

Я промолчал. Будь что будет! Трое суток бессонных скитаний и переправа через Двину настолько вымотали меня, что, честно говоря, мне уже было все равно. Я даже недослушал, что еще говорила женщина. Но проснулся быстро. Наверно, прошло всего несколько минут. Проснулся от ощущения тревоги. Передо мною стояли двое мужчин с топорами в руках.

— Кто такой?

- Русский человек...
- Кто русский?
- Бегу из плена, из крепости...

Мужчины — оказалось, что один из них сын хозяйна, а другой — тоже бывший военнопленный, — не верили. В крепости все пленные ходили в нашей военной форме с покрашенными во всю спину огромными буквами: «SU», что означало «Советский Союз», а на мне была раздобытая в фашистском госпитале обычная гражданская одежда. Пришлось долго убеждать. Показал сохранившиеся у меня фотографию жены и мой личный номер на картонке — «9627», под которым я числился в крепости.

С хутора уходил, распахав по карманам запасы продуктов, табак, спички. Хозяева показали мне и наиболее безопасную дорогу.

ОТРЯД «СМЕРТЬ ФАШИЗМУ»

Остались позади многие километры. Удалось перебить и границу между Латвией и Западной Белоруссией. А это не так-то просто. Желая разъединить братскую семью советских народов, немцы объявили о «самостоятельности» Латвии, и граница ее охранялась по всем международным правилам. Были и полосатые пограничные столбы, и даже контрольная полоса вспаханной, хорошо пророборованной земли, на которой ясно отпечатывался каждый след.

В одном из населенных пунктов Западной Белоруссии встретился мне бывший военный моряк Иван Востриков. Крепкий, плечистый, небольшого роста, с открытым, чуть тронутым щербинкой лицом, он тоже мечтал встретиться с партизанами или на худой конец раздобыть оружие и действовать на свой страх и риск. «Красная-то Армия, слышал, наступает, — говорил он. — А мы тут такие здоровые прохлаждаемся...»

Ходили слухи о партизанах. Но найти их никак не удавалось. Подходя к деревне Дворное село, узнали, что только накануне на местный отряд жандармов нападали партизаны, семнадцать предателей убито. Пошли туда. Уже подходили к деревне, как увидели мужчину и мальчика, молотивших возле гумна зерно. Мужчина помахал нам, чтобы остановились.

— Не ходите туда. Там полицаи... человек тридцать...

Но нас уже, видимо, заметили. Только стали сворачивать с дороги, как от деревни открыли по нам огонь. Бросились бежать по болоту. Трясина становилась все глубже, бежать все труднее. Наверно, это болото считалось вообще непроходимым. Тут далеко не уйдешь.

Перекинувшись на бегу несколькими словами, прямо с ходу погрузились в противную болотную слизь. Спрятались, держась за кочки и прикрыв головы болотной травой вместе с кустами голубики, мхом и земляей.

Полицаи еще долго не унимались. Стреляли, пускали по болоту собаку. Несколько раз она пробегала совсем недалеко. Но на воде ничего не чуяла.

После этого сидения в болоте нам еще много дней пришлось путаться по окрестным хуторам и деревням, пока удалось раздобыть одну на двоих винтовку.

Обрадованные удачей, решили в первую же ночь совершить диверсию. Сейчас, вспоминая об этой диверсии, понимаю, что это был очень рискованный, безрассудный поступок. Но тогда просто не терпелось хоть что-нибудь сделать, хоть как-нибудь отомстить за вынужденное безделье, за скитания по вражеским тылам, за все, что пришлось перенести.

Поздно ночью, взяв у одного из местных крестьян подводу, подъехали к расположенному поблизости маслозаводу. Постучались в директорскую квартиру, прямо назвали себя — «красные партизаны». Но жена директора объяснила, будто он уехал в Браславль сдавать фашистам масло. И вдруг во дворе слышим крик директора: «Ратуйте!» Бросились туда. Прикладом сбив его с ног, Востриков отобрал у него ключи от завода. Пробравшись на завод, разломали, разбили все оборудование. Потом заодно разломали оборудование телефонной станции. Разбитый коммутатор вынесли и бросили на дорогу.

На другой день поползли слухи, что на маслозавод нападало около пятидесяти партизан. Оказывается, в деревне, в которой расположен маслозавод, находилось тридцать человек полицаев, и им было бы просто стыдно признаться, что у них под носом орудовали всего двое партизан.

Так началась наша партизанская деятельность. Первые успехи, пусть совсем маленькие, окрылили нас, вселили уверенность. Жажда действовать, наносить ущерб врагу была настолько велика, что мы не пропускали ни одного дня, чтобы не устроить хоть какую-нибудь диверсию.

Как-то от местных жителей мы услышали, что проживающий поблизости польский пан Болеслав Скуковский вроде бы поддерживает связь с немцами. Мы решили «нанести визит» ему. Но оказалось, что Скуковский ненавидит фашизм и «новый порядок в Европе». Он принял нас, как своих друзей, обещал постоянную помощь. А кроме того, сообщил, что неподалеку от него в семье крестьянина тайно живет бывший офицер Советской Армии, и у него есть автомат.

Так мы встретились с третьим нашим товарищем по оружию. Им оказался лейтенант Советской Армии Дмитрий Иванов. Собравшись вместе, мы решили создать партизанский отряд «Смерть фашизму». Командиром его стал я, комиссаром — Иван Востриков, единственный из нас кадровый военный Иванов — начальником штаба. А еще через несколько дней в отряде насчитывалось уже около двадцати человек.

Не имея связи с настоящими партизанскими отрядами, мы действовали по собственному усмотрению, без какого-либо продуманного плана, стихийно. По сути дела это был не отряд. Просто группа советских людей, по каким-либо причинам оказавшихся на оккупированной врагом территории и не желавших, пристроившись где-то под видом батрака или родственника, дожидаться прихода регулярных советских частей.

Но наши, пусть и стихийные, действия доставляли много беспокойств оккупантам. Мы расправлялись с отдельными людьми, переметнувшимися на сторону фашистов, уничтожали мосты, выводили из строя связь, спиливая сразу на расстоянии нескольких километров телеграфные столбы и перерубая провода, отбирали заготовленный для отправки в Германию хлеб и скот. Народная молва передавала слухи о нашем отряде, порою очень сильно преувеличивая наши силы и размер причиненного нами ущерба. Это нервировало оккупантов и их прислужников-полицаяев, а у советских людей поддерживало уверенность в победе.

Диверсии, устраиваемые почти безоружным отрядом, видимо, в конце концов вывели из терпения оккупантов. С нами решили расправиться. Однажды в очень неудобном для нас месте — между двух озер, соединявшихся коротким ручейком, — мы нарвались на фашистскую засаду. Пришлось прорываться с боем, кто как мог.

В довершение всего фашистская пуля ударила меня в руку как раз в тот момент, когда я перепрыгивал ручей. Винтовка выпала. Остановиться хотя бы на полминуты, чтобы поднять ее, может быть, стоило бы жизни.

И вот я снова один, снова без оружия.

НАКОНЕЦ-ТО У ПАРТИЗАН!

Стоял сентябрь. В лесу он всегда особенно красив. На фоне темно-зеленых сосен и елей резко выделяются нарядные бледно-желтые березки, ярким огнем полыхают осины, словно потемневшие от времени великаны, стоят кряжистые, уверенные в себе дубы.

Но на душе было невесело. Правда, по сведениям, полученным от местных жителей, я знал, что потери наши у ручья были невелики. Но никого из членов отряда встретить не удалось. Особенно тревожило то, что фашистская засада оказалась не только у ручья, но и в лесу, в условленном на всякий случай месте. «Неужели предали? Неужели в отряд успел пробраться подосланный противником провокатор?» — эти мысли не давали покоя.

Отчаявшись разыскать кого-либо из отряда, я решил снова найти партизан. От населения я часто слышал, что очень много их стоит в деревне Журавовщина. Говорили, будто там объявлена Советская власть, а партизаны настолько хорошо вооружены, что имеют даже артиллерию, и пушки у них такие большие, что в ствол может свободно залезть человек.

Я, конечно, понимал, что это явное преувеличение. О действиях партизан в народе вообще ходили легенды. Но, как говорят, дыма без огня не бывает. Решил воспользоваться этими, пока не очень точными сведениями и уже несколько дней глухими лесными дорогами пробирался к Журавовщине.

Когда до деревни оставалось всего несколько километров, остановился на опушке возле небольшой поляны, чтобы перевязать руку. Едва успел связать концы оторванной от рубахи тряпки, как где-то неподалеку услышал конское ржание. Спрятался за раскидистую елку, притаился. Из леса на поляну выехала подвода, на ней сидели четверо мужчин в дубленых полушубках.

Дубленые полушубки не предвещали ничего хорошего. Слишком они были добротны и новы для партизан. Но когда подвода подъехала поближе, на фуражке одного я увидел красную звездочку! И сразу, совершенно забыв об осторожности, выскочил на дорогу:

— Наконец-то! Свои...

Но те, что были в подводе, не проявили особой радости от встречи. Один из них подозрительно оглядел меня:

— Ну-ка, посмотри, какие мы свои!..

Он распахнул полушубок. Под ним оказался мышинного цвета офицерский мундир с темно-коричневым воротником. Мелькнула золотистая нашивка — фашистский орел на груди.

Признаюсь, я растерялся от неожиданности. Они, конечно, заметили это, захохотали. Но ничего мне не сделали, ничего не сказали. Один из них дернул вожжи, и повозка поехала дальше. Я растерянно смотрел ей вслед. Кто они? Если полицаи, почему не забрали меня? Если партизаны, почему так одеты и почему не сказали, как попасть в партизанский отряд?

Но скоро я узнал, что это действительно были партизаны. Просто месяца за два до моего прихода партизанский отряд разгромил карательную экспедицию. Это была блестяще проведенная операция. Возле деревни Озерова пьяные немецкие офицеры, только прошедшие в городе Вилейне специальные курсы по борьбе с партизанами, шли во весь рост, орали и непрерывно стреляли по кустам, видимо, в явном расчете на то, что партизаны испугаются и перейдут на другое место. Отряд подпустил их метров на двадцать и только тогда дружно открыл огонь. Из 149 человек 142 карателя остались лежать на поле. После этого боя многие из партизан сменили свою истребленную одежду на новенькие офицерские мундиры.

Встретившиеся мне люди на повозке оказались партизанами-разведчиками. Из осторожности они не сказали мне, где находится весь отряд. По этим же причинам ничего не говорили и жители Журавовщины. Я ходил по деревне, разыскивал партизан и не мог найти. А между тем их база находилась всего в каком-нибудь полукилометре. К вечеру оттуда пришли командир партизанского отряда Федор Максимович Соловьев и комиссар Михаил Купреевич Игнатьев. На другой день приказом по отряду я был зачислен в него фельдшером.

ИЗ КОЛЬЦА КАРАТЕЛЕЙ

Дороги войны. Суровы они, тяжелы и опасны. Вдвойне тяжелы, если ты один, если не чувствуешь рядом надежного локтя товарищей по оружию, да еще в полном неведении об истинных и мнимых успехах хвастливого врага.

Велика же была моя радость, когда, придя на базу, я увидел десятки таких же, как и я, партизан, капитально сделанные, уже хорошо обжитые землянки, приколотые к стволам деревьев свежие сводки Совинформбюро.

В приказе по отряду я числился шестидесятым бойцом. Но, как оказалось, отряд, в который я попал, был лишь одним из подразделений партизанской бригады «Спартак», контролировавшей обширную территорию — до ста километров из конца в конец.

Начало отряду и бригаде положила группа в 65 человек, выделенная весной 1942 года партизанским соединением, действовавшим в районе реки Березина специально для организации партизанского движения в западных районах Белоруссии. Всего лишь примерно за полгода эта группа выросла во много раз и в свою очередь превратилась в самостоятельную бригаду.

Но в нелегкое время попал я к партизанам. Фашистское командование, выведенное из терпения полным хозяйничанием партизан в лесах Западной Белоруссии, решило предпринять против них грандиозную карательную экспедицию. Только против бригады «Спартак» бросили около восьми тысяч эсэсовцев, полицаев, жандармов. В их распоряжении было много артиллерии, танков, минометов, авиация. Была постав-

лена задача — уничтожить полностью бригаду, ликвидировать партизанский край.

О готовящейся карательной экспедиции партизаны узнали заранее. Решили встретить ее вдалеке от своих баз.

Небольшими отрядами выходили за 70—90 километров от базы, устраивали возле дорог засады. Стоило появиться небольшой группе или отряду карателей, как партизаны внезапно нападали, громили технику, уничтожали живую силу и почти без потерь тут же скрывались в лесу.

И все же фашисты, неся огромные потери, продолжали упорно двигаться вперед. Зловещее кольцо все туже и туже охватывало партизанский край. Как раз вскоре после моего прихода в отряд, фашистам удалось окружить основные силы бригады в Плятеровских лесах. Небольшой, правильной формы квадрат леса. С четырех сторон — глубокие канавы, по которым сплавлялся лес к Плятеровскому бумажно-целлюлозному комбинату. На эти плохие земли собралось немногим больше трехсот партизан и около полутора тысяч членов партизанских семей, мирных жителей, женщин, детей, стариков.

Наступила ночь. Настроение было подавленное. Несколько попыток вырваться из окружения ни к чему не привели. В какую бы сторону ни пытались прорваться, везде нас встречал ураганный огонь. Надежд не оставалось. Командир бригады подал команду: «Привал». Усталые, озлобленные, угрюмые, упали на землю. И вдруг почти сразу же новая команда: «Подготовиться к длительному походу!»

Командование, как мы подумали, решило еще раз погытать счастья. И в самом деле, из хорошо вооруженных партизан была создана штурмовая группа. Перед нашим отрядом поставили задачу — прикрывать отход мирных жителей. И вот в назначенное время в полной темноте раздались громкие крики «Ура!». Фашисты ответили на них ураганным огнем. Но только впереди разгорелся бой, как по цепочке передали новый приказ: «Назад! Прорываться в противоположном направлении!»

Тогда мы еще не поняли хитрости задуманного маневра. Оценили его лишь позднее. Наша штурмовая

группа подняла такой шум, с такой яростью бросилась в атаку, что фашисты решили: это вся наша бригада предприняла последнюю отчаянную попытку вырваться из окружения. И на место прорыва штурмовой группы перебросили все свои силы. В противоположном направлении не осталось даже небольшого заслона. Там-то мы и прошли, бесшумно, не сделав ни одного выстрела.

Лишь много позднее мы узнали, что и штурмовая группа выбилась из окружения, понеся, правда, изрядные потери.

...Шел густой, перемешанный с водой снег. Было сыро и знобко. Под ногами хлюпала взбитая тысячами сапог противная слякоть. Идти по такой погоде, в темноте очень трудно. Но именно такая погода и была нам на руку.

Пройдя несколько километров, вышли к нашей старой базе. Жуткая картина потрясла душу. Землянки были разворочены, подорваны гранатами. Но особенно страшное зрелище — это догоравшая неподалеку деревня Журавовщина. Языки пламени то почти совсем затухали, то вдруг снова вспыхивали, выхватывая из темноты голые печные трубы. На фоне пламени эти трубы вставали из темноты, как какие-то зловещие памятники, как статуи, взывающие к мщению.

Порывы ветра доносили от деревни запах гари и горелого человеческого мяса. Фашисты жестоко расправились со всеми, кто остался в деревне. Всех их согнали в овин и подожгли его.

Долго, сняв шапки, стояли мы, глядя на догорающую деревню. Не было слышно ни слова. У каждого комок в горле. Хотелось сейчас же, немедленно мстить и мстить проклятым убийцам.

Но ни о каких действиях пока не могло быть и речи.

На нашей ответственности — жизнь более тысячи мирных жителей. Нужно было прежде всего вывести всех в безопасную зону.

Разведав, через какие интервалы проезжают патрули, и выставив на всякий случай заслоны, мы благополучно пересекли дорогу. И снова снег, как добрый друг, заботливо запылил наши следы.

«ХРАБРЫЕ» ЗАВОЕВАТЕЛИ

Так шли мы много дней. То лесами, то непроходимыми болотами. Полуголодные, оборванные, с женщинами и детьми. Для отдыха использовали лишь несколько дневных часов, когда передвигаться по открытому месту было слишком рискованно. Все прекрасно понимали, что враг попытается настичь нас, поэтому каждый напрягал все свои силы.

Особенно запомнился переход через железнодорожную линию Полоцк — Двинск. Этот переход был наиболее опасным, потому что дорога усиленно охранялась. Напуганные действиями партизан, оккупанты густо настроили вдоль нее железобетонных укреплений. А перед каждым поездом по всему перегону проходили вооруженные патрули.

Подшли к дороге ночью. Возглавлявший колонну Михаил Купреевич Игнатьев приказал выслать вперед два заслона: с левой и с правой стороны от намеченного для перехода места на случай, если придется встретиться с патрулями. Но было строго-настрого наказано: по возможности не шуметь, огонь открывать лишь в самом крайнем случае. В одну из засад вместе с пулеметчиком Левандовским и вторым номером Сашей Саперовым пошел и я.

Сначала все шло гладко. Выбрали место, установили пулемет у самой насыпи. Лежали, зорко вглядываясь в темноту. Тихо. Так тихо, что, кажется, слышно, как стучит не только свое сердце, но и соседа. Проходили минуты за минутами, а колонны все не было.

И тут произошел опасный и в то же время комичный эпизод. На насыпи вдруг послышались шаги и сдержанный немецкий говор. Скоро стали видны силуэты. Шесть человек, патруль. Мы залегли, готовые в любой момент сразить врага. Но стрелять нельзя. Выстрелы могут переполошить расположенные поблизости вражеские гарнизоны, и тогда нашему отряду, скованному в своих действиях большим количеством мирных жителей, женщин и детей, придется туго.

Лежим. Держим врагов на прицеле. Вот они совсем близко. Отчетливо видны перекинутые через плечо автоматы, разогнутые и натянутые на уши пилотки.

Вот остается каких-нибудь пять метров. Вот проходят совсем рядом — достаточно немножко подтянуться и можно схватить рукой за кованый сапог.

Немцы прошли мимо нас. И тут мы не выдержали, поднялись на ноги и залились неудержимым хохотом, от которого шестеро «завоевателей Европы» бросились бегом по насыпи. Забыли, видно, о своих обязанностях и о том, что, спрятавшись у насыпи, партизаны могут подорвать ожидаемый ими эшелон.

Вскоре подошла наша колонна. И этот опасный рубеж был благополучно преодолен. Когда последние из партизан, прикрывавших отход колонны, скрывались в лесу, вдалеке за поворотом дороги послышался шум приближающегося поезда. А мы долго еще потом вспоминали этот эпизод и смеялись над «храбрыми» завоевателями.

ЗАРЕВО В НОЧИ

Много дней и ночей — несколько месяцев продолжался наш рейд по тылам врага вдали от основной базы — Плятервских лесов, или, как их еще называли, Бельмонтской пуци. Наш путь был на восток. Этим мы преследовали две цели. Во-первых, нужно было оторваться от преследования слишком крупных сил карателей, ввести их в заблуждение, будто партизанское движение в Плятеровских лесах окончательно разгромлено. Во-вторых, отойдя временно в район действия других партизанских соединений, действовавших восточнее нас, мы получали возможность переправить за линию фронта мирных жителей. Кроме того, отряд нуждался в основательном отдыхе.

Ежедневные многокилометровые переходы здорово измотали нас. Совершенно истрепалась одежда. От моих щегольских хромовых сапог остались одни голенища. Чтобы не потерять подошвы, пришлось обернуть сапоги холщевым мешком, обмотав его проволокой и веревками. Такой «ремонт» помог, но ненадолго. Потом в одной из деревень мне дали кусок необработанной коровьей кожи. Этой кожей я обшил оба сапога — наподобие галош, кверху шестью. Обувь получилась довольно надежная. По крайней мере, снег перестал падать.

Вот в таком виде, оборванные, истрепанные, исхудавшие, мы продвигались все дальше и дальше на восток. Наконец, остановились в деревне Якубово. Это была уже Калининская область. Отсюда сопровождавшие нас весь многодневный трудовой путь мирные жители были переправлены за линию фронта. А нам предоставили возможность сравнительно спокойно отдохнуть, набраться сил для новых боев.

Как раз в это время и здесь фашисты предприняли против партизан крупную карательную экспедицию, в которой участвовало несколько их дивизий с танками, авиацией, артиллерией. Базировавшиеся здесь многочисленные и очень крупные отряды основную тяжесть приняли на себя. Между партизанами и карателями установился настоящий фронт. Но после многодневных боев, так и не добившись сколько-нибудь заметного успеха, фашисты вынуждены были отступить. Партизанский край остался в старых своих границах.

Наша бригада приняла участие в одной крупной операции, да и та носила не оборонительный, а наступательный характер. Это был разгром Старой Слободы. Пожалуй, эту операцию можно считать образцом четкого взаимодействия нескольких партизанских соединений.

Местечко Старая Слобода уже давно привлекала внимание многих партизанских отрядов. Как правило, все они, даже наиболее крупные и сильные, испытывали затруднения и с продовольствием и одеждой, и, особенно, с боеприпасами и вооружением. А в Старой Слободе размещалась крупная база снабжения. Но в ней был довольно сильный гарнизон, полицейское управление. Совсем рядом находилось еще несколько крупных гарнизонов. Браться за разгром Старой Слободы одному отряду было, пожалуй, рискованно.

Решили разгромить ее объединенными усилиями нескольких партизанских отрядов. Из нашей бригады выделили для участия в операции около двухсот человек. Ехать пришлось далеко. Старая Слобода находилась более чем в ста километрах — на территории уже Латвийской Республики. На санях, на деревянных розвальнях в первую ночь доехали почти до границы, во вторую ночь пересекли ее и еще задолго до рассве-

та были уже у самой Старой Слободы. Здесь нас встретили партизаны из местной латвийской бригады Александра Грома.

Оставив на опушке леса лошадей, небольшими группами по двадцать-тридцать человек устроили засады на дорогах, ведущих к соседним гарнизонам. Вызвездило. Снег, который шел непрерывно, пока мы ехали, перестал. Мороз щипал щеки. Ноги в моих вконец обтрепанных и обшитых кожей сапогах сделались совсем ледяными. Но нельзя было ни встать, ни сесть, ни закурить. Главное в таких операциях — полнейшая неожиданность и тишина.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Внезапно, казалось бы, абсолютную и совсем мирную тишину разорвали взрывы гранат одновременно в нескольких местах. Затрещали пулеметные и автоматные очереди. Сверкнули огнем здания комендатуры, полицейского управления, еще какие-то дома. И почти сразу же мощный взрыв на спиртовом заводе.

Огромное пламя поднялось над Старой Слободой. Полицейские и фашисты в одном белье в панике выскакивали из домов. Гарнизон, насчитывавший около пятисот человек, был разгромлен в течение нескольких минут.

Тут уже пришло время действовать и нам. Быстро пропустили оставшиеся у леса подводы. Из распаханых складов нагрузили на них продовольствие, обмундирование, боеприпасы. И не теряя ни минуты дорогого времени, двинулись в обратную дорогу. Когда отъезжали, долго еще над лесом видны были отсветы пламени.

ЛЕТИ, ВЕСТОЧКА!

Ранняя весна всегда, наверно, неожиданна. То морозы, то метели, кажется, им не будет конца. И вдруг, только чуть поутихнет, заискрится, засверкает в свежеепыавших снегах яркое до боли солнце. Мягкий ветер принесет запах талого снега. Сразу в природе повеет праздничным обновлением. Значит, пришел конец зиме.

Такой была весна 1943 года. Вместе с радостными вестями о крупных победах на фронтах, о разворачивании наступления против оккупантов весна принесла

нам партизанские радости. Этой весной полным провалом закончился трехмесячный поход фашистских карателей против партизанского края. Тогда же к нам прибыла группа руководителей партизанского движения, и наша бригада, наконец, получила распоряжение возвращаться на старую базу — в ставшие уже родными Плятеровские леса.

Была своя весенняя радость и лично у меня. С начала войны я не получал ни одного письма из дому, и сам не имел возможности отправить ни одной весточки. Как-то там у нас, в родной Вологодчине? Как-то там семья? Живы ли, здоровы ли? За полтора года эти мысли тысячу раз приходили в голову. И было горько порой от сознания того, что дома, наверно, давно уже перестали считать меня живым.

И вот в наш партизанский край стали прилетать с Большой земли самолеты. На первых из них отвозили тяжело раненных. Сопровождать на аэродром группу таких раненых поручили однажды и мне.

Правда, мало приятного тащиться с обозом раненых ночью в чужом лесу. Идешь рядом с санями. Дорога незнакомая. Темно. Куда идешь? Может быть, уже сбился с пути. Или вдруг нарвешься на заставу? Каратели хоть и не добились никакого успеха, но действия против партизан не прекращали. А днем идти еще опаснее. Днем то и дело носятся над лесом фашистские самолеты, выискивают партизан. Заметив что-нибудь подозрительное, разбомбят или обстреляют из пулемета.

Так прошли мы вдвоем с санитаркой Асей (фамилии ее не помню) — смелой, хорошей девушкой около пятидесяти километров. Остановились в деревне Селявщина, в трех километрах от партизанского аэродрома. Но и тут удалось отправить раненых далеко не сразу. Узнав о партизанском аэродроме, фашисты каждый день бомбили его. Лишь недели через две смог прорваться долгожданный самолет.

На вырванном из тетради клочке бумаги и написал всего несколько слов. Ведь обо всем, что было пережито за эти полтора года, все равно не расскажешь. Чего же распространяться? «Жив, нахожусь в партизанах, бью врага...» Лети, весточка. Лети в далекое Кубеное озеро. Воскреси меня из «погибших».

ЗА КРОВЬ ПОГИБШИХ

Трудный путь пришлось нам проделать, пробиваясь на старую нашу базу — в Западную Белоруссию. Весна была уже в разгаре. Реки разлились, и форсировать их, минуя мосты, тайно, без переправочных средств было нелегко. Фашисты после неудачи с зимней карательной экспедицией укрепились в населенных пунктах, в гарнизонах, вдоль железных дорог. Почти каждую железнодорожную линию пришлось переходить с боем.

При переходе одной из железнодорожных линий погиб начальник штаба отряда Шефранский, начальник особого отдела (помощник командира по разведке и контрразведке) бригады Жабин и еще пять партизан. При форсировании реки Дриссы утонули трое наших партизан, в том числе прекрасный человек, бесстрашный, никогда не унывающий Ваня Григорьев. Особенно тяжелой была для нас весть о гибели партизанского отряда Жарова, помогавшего нам форсировать Западную Двину.

Жаровцы предоставили в наше распоряжение несколько лодок, дали возможность хорошо отдохнуть в деревне Полюдовичи. И вот перед заходом солнца, распрощившись с гостеприимными хозяевами и партизанами отряда, мы снова двинулись в путь. На Запад. Проходя в каких-нибудь двух-трех километрах от города Десна, мы и не подозревали, что в этом гарнизоне уже разработан план и готовятся к разгрому отряда Жарова.

Глубокой ночью фашисты из гарнизона Десны совместно с другим крупным гарнизоном окружили партизан на берегу реки, прижали их к воде. Партизаны были застигнуты врасплох. Пути для отступления по суше уже отрезаны, за спиной — широко, как море, разлившаяся река. Многие из партизан погибли в неравном бою, многие утонули в волнах Западной Двины. Спаслось всего несколько человек. Жестокою расправу учинили фашистские головорезы и над мирными жителями Полюдовичей.

Весть о гибели отряда Жарова глубоко потрясла нас. Ведь мы только-только были у них, пользовались их гостеприимством. Эх, если бы нам задержаться

хоть на один день! Объединенными силами мы сумели бы дать карателям хороший отпор! В скорбном молчании продолжали мы путь. Но каждый знал: придет время, и мы сумеем жестоко отомстить за кровь погибших товарищей.

Партизанская война в Западной Белоруссии в 1943 году разгорелась как никогда. Ко времени нашего возвращения на старую базу здесь действовало уже множество партизанских соединений. Подпольный Вилейский обком партии, руководивший партизанским движением в нашем крае, провел даже специальное совещание командования отрядов и бригад. Каждому соединению был отведен точный район дислокации. Нашей бригаде «Спартак» поручили действовать в Видзовском районе, бригаде имени Жукова — в Браславском, бригаде «За Родину» — в Шарьковщинском. По соседству действовали отряды имени Ленина, имени Калинина, 4-я Белорусская бригада и другие. Треугольник Полоцк — Двинск — Вильнюс фактически был освобожден от врага. Действиями всех более или менее крупных соединений руководил штаб партизанского движения, с которым была установлена надежная двухсторонняя радиосвязь. Противник держался лишь в районных центрах и крупных населенных пунктах, соорудив в них мощную систему обороны. Но и здесь партизаны не давали ему покоя, совершая дерзкие налеты, громя целые гарнизоны.

Для того, чтобы как-то противостоять партизанам, фашисты начали насильно мобилизовать в свою армию местное население. По полученным сведениям около пяти тысяч мобилизованных они разместили в населенных пунктах Червоный двор, Раковцы и Непренники, распложенных в непосредственной близости от районного центра Шарьковщина. Большинству из мобилизованных оружие еще не доверяли, они должны были пройти обучение и соответствующую моральную сработку. Но тут же находились довольно сильные отряды немцев. От подпольного обкома партии бригада «Спартак», насчитывавшая к тому времени уже шесть отрядов, получила задание разгромить все три гарнизона одновременно.

Тогда я исполнял обязанности начальника разведки отряда и готовил рубеж для атаки на Непренники.

Ночь. Небо заволочло сплошными тучами. Луны совершенно не видно. Непренники — на высоком берегу реки. Вместе с шестью разведчиками вдоль берега, прячась в прибрежных кустах, подошли к деревне. За нами подтянулись основные силы отряда, рассредоточились вокруг деревни, огибая ее дугой. А мы с разведчиками подползли еще ближе, укрылись за каким-то сараем.

Большинство мобилизованных было сосредоточено в Червоном дворе. По нему наносил удар второй отряд под командованием бывшего летчика Павла Струкова. Их удар — главный. По их сигналу должны открыть огонь основные силы партизан, сконцентрированные возле самого районного центра Шарьковщины, и мы. Но против нас всего какая-нибудь сотня мобилизованных и фашистов.

Как всегда в таких случаях, медленно тянутся минуты. Кажется, времени прошло много. Что там случилось? Так можно упустить удобный момент. Но это лишь напрасное беспокойство: от нетерпения, от напряжения всех душевных сил. Наконец, внезапно и дружно раздаются взрывы гранат, пулеметная и винтовочная стрельба у Червоного двора. И сразу сплошной гул охватывает все окрестности, словно на какое-то время в глубокий фашистский тыл переместился фронт. Огонь ведется одновременно по четырем населенным пунктам.

Не знаю, успел ли противник открыть по нам ответный огонь. Партизанский удар был настолько силен, что фашисты, наверно, не успели и опомниться. Сопrotивления фактически не было. В течение нескольких минут гарнизон был разгромлен.

Красная и две зеленых ракеты возвестили отбой. При встрече с партизанами из второго отряда, штурмовавшего Червоный двор, мы узнали, что на их сторону перешло около семисот мобилизованных. После проверки все они были распределены по отрядам. Впоследствии многие из них стали отважными партизанами.

Не менее удачным был разгром еще одного вражеского гарнизона Ганово. Это местечко расположено тоже неподалеку от Шарьковщины, всего в семи километрах по дороге на Браcлавль. Подойти к нему трудно. Всего в километре протекала речка. На мосту

обычно дежурил часовой, а возле моста — маленькое укрепление для охраны.

Вооружившись беззвучными винтовками (они в то время уже были у нас), вместе с теми же шестью разведчиками ползем к мосту. Моросит мелкий дождь. Темнота густая, в нескольких метрах ничего не видно. Вот уже должен быть и злополучный мост. Прислушиваемся, зрение напряжено до предела. Впереди что-то белеет. Сдерживая дыхание, ползем.

Оказывается, белое пятно — это и есть мост. Но часового не видно. Подготовив оружие, ждем. Нет и нет никого. Осторожно, как кошки, переползаем по мосту на другой берег. И здесь никого нет. Держа наготове гранаты, подползаем к укреплению, но и там пусто.

Не знаю, куда делся в ту ночь часовой. Но нам это здорово облегчило задачу. Главное — обошлось все абсолютно без шума.

Посылаю разведчика к отрядам и вскоре все подходит. Решили воспользоваться благоприятными случайностями и атаку начать прямо с центра Ганова. Выслали разведку на дорогу к Шарьковщине, две группы обошли деревню справа и слева. А основная группа партизан бесшумно вошла в спящее Ганово.

Тишина была до самого последнего момента, до того времени, когда партизаны стояли уже возле здания казармы. И тут в окна ее полетели сразу несколько противотанковых гранат. Когда мы ворвались в помещение, там уже нечего было делать. Гарнизон, насчитывающий около ста фашистов, перестал существовать.

ЗАСЛУЖЕННАЯ КАРА

В бригаде «Спартак» долгое время я работал помощником командира третьего партизанского отряда по разведке и контрразведке и, как нас тогда называли, начальником особого отдела. В то время гитлеровцы несколько изменили тактику борьбы с партизанами. После фактического провала многочисленных карательных экспедиций фашисты стали усиленно вербовать, готовить в специальных школах своих агентов и насаждать их в партизанских районах. В партизанских отрядах существовала система довольно основательной проверки всех вновь принимаемых, и все же их аген-

там порой удавалось проникать даже в ряды партизан.

Летом 1943 года к нам в бригаду под видом спекулянтов проникли две молодые особы, довольно смазливые, бойкие. Они продавали мыльный камень, карандаш, камешки для зажигалок и другие дефицитные вещи, а попутно старались втереться в доверие к партизанам, особенно к командирам. Оказалось, что обе они — подосланные фашистами разведчицы, прошедшие уже довольно солидную школу. Кстати говоря, разоблачить их помог только пришедший тогда в отряд мой земляк, тоже вологжанин Николай Тощак.

В том же 1943 году были разоблачены засланные в наш отряд местной жандармерией Виталий Гринько и Борис Хаткевич — жители расположенной поблизости деревни Черемушники. За измену Родине и предательство они, как и «спекулянтки», были приговорены к расстрелу.

Но, пожалуй, больше всего хлопот мне доставила некая Геля Сувикова. Это была еще молодая женщина, очень красивая, с правильными чертами смуглого лица. Она жила с матерью и двумя девочками двух-трех лет на одном из хуторов возле местечка Иоды.

Долгое время она считалась даже нашей помощницей, оказывала партизанам кое-какие услуги: доставала спички, табак, медикаменты, камешки для зажигалок, мыльный камень и даже иногда передавала сведения о численности гарнизонов и вооружении. Но потом мы стали получать сведения, что Сувикова ведет двойную игру. Она выдала фашистам несколько десятков верных нам людей, по ее указке был сожжен целый ряд деревень. Командование бригады поручило мне воздать должное подлой изменнице Родины.

И вот с двумя партизанами Димой Хотулевичем и Васей Хотько я на хуторе Сувиковой. Мать ее приветливо встретила нас. Но самой Гели нет. Она, по-видимому, уже почувствовала опасность и по сути дела открыто переметнулась на сторону врага. Как мы узнали, Сувикова жила в районном центре Шарьковщине с начальником гестапо. Выманить ее оттуда или подкараулить нам никак не удавалось.

Тогда решили прибегнуть к последней хитрости. Мы знали, что раньше Сувикова была в близких отно-

шениях с одним из наших партизан. Написали ей письмо, будто вместе с этим партизаном ждем ее на хуторе. Попросили привезти курева, медикаментов.

И Сувикова поверила. Заявилась с изрядным запасом немецких консервов, табаку, медикаментов, бутылок самогона. Ничем не выдавая своих намерений, сидели, разговаривали с ней. Попросил у нее бумажки на цыгарку. Она и подает... фашистскую, отпечатанную типографским способом листовку.

Такое меня зло взяло! Кого, партизан захотела агитировать? Ну, думаю, я тебе покажу!..

Оказывается, таких листовок у нее было тысячи полторы. Забрал ее вместе с листовками и доставил к нам в отряд.

Партизанский суд приговорил Сувикову к высшей мере наказания — расстрелу.

Прекрасные люди не только передавали нам сведения о местных отрядах полицаев и фашистов, но проникали во вражеские гарнизоны: в Браславль, Слободку, Двинск, Ригу и другие и всегда сообщали нам очень точные и ценные сведения об укреплениях, о передвижении вражеских войск, а мы, в свою очередь, передавали их за линию фронта.

Из разведывательного рейда мы возвратились на базу в первых числах ноября, а через два-три дня, как раз 7 ноября, в день 26-й годовщины Октябрьской революции, возвратилась на базу и вся бригада.

Этот день для нас и для населения стал двойным праздником. Жители многих окрестных деревень вышли встречать свою бригаду. В деревне Озерава был устроен митинг, а после него демонстрация — совсем как в мирное время. Над наспех сколоченной трибуной развевалось красное партизанское знамя. Перед собравшимся населением и партизанами выступили командир бригады Аркадий Николаевич Пономарев, комиссар Михаил Купреевич Игнатьев, от местных жителей — отец четырех партизан нашей бригады Воеводин.

А когда после митинга мимо трибуны проходили все шесть отрядов нашей бригады, у многих появились слезы на глазах. Еще бы, в глубоком тылу врага, словно на настоящем параде, шли здоровые, мужественные люди, увешанные гранатами, с автоматами и пуле-

метами через плечо. Шли с гордо поднятыми головами, со звонкой песней, с красным знаменем впереди!

В обязанности начальника особого отдела входило не только выявить подосланных к нам провокаторов, но и собирать сведения от наших агентов, поддерживать связь с другими партизанскими соединениями. Когда в одиночку, когда в сопровождении одного-двух бойцов, приходилось уезжать не только за десятки, но и за сотни километров от базы. Во время этих поездок часто происходили неожиданные и порой опасные встречи с фашистами или с предателями-полицаями. Выручало чаще всего население, среди которого было немало смелых патриотов, беспредельно преданных нам людей.

Осенью 1943 года в связи с новым походом карателей наша бригада вынуждена была почти на месяц покинуть Плятеровские леса. А перед возвращением на базу по заданию командования я выехал в длительную разведывательную поездку. Нужно было уточнить обстановку в Браславском, Виузовском, Шарьковщинском районах и собрать от населения сведения о противнике.

Выехали втроем. С собой взял боевого, бесстрашного парня цыгана Реню Гороховского и Гришу Энгопна — еврея по национальности. Гриша знал немецкий язык и мог исполнять обязанности переводчика. Ехали осторожно, только ночами. Дневать останавливались лишь у хорошо знакомых нам, проверенных людей. Фашисты за время отсутствия нашей бригады успели здорово похозяйничать. На пути то и дело встречались сожженные деревни с голыми печными трубами на месте крестьянских изб да кое-где уцелевшими от пожаров колодезными журавлями.

В Икаженском сельсовете Браславского района фашисты сожгли восемь деревень. Много мирных жителей, обвиненных в сотрудничестве с партизанами, было расстреляно и сожжено заживо. Как потом выяснилось, тут постарался предатель из местных жителей Эдуард Федоренко, с первых дней войны переметнувшийся на службу к фашистам. Но население виновком всех бед считало старосту Юлиана Лукьянчика. Говорили, будто он дал фашистам списки людей, подерживавших связь с партизанами.

Обозленные жуткой картиной расправы с мирными жителями, решили в первую же ночь ехать к Лукьянчику и рассчитаться с ним по-нашему, по-партизански. Прискакали. Лукьянчик — маленький, невзрачный, с короткими усиками, очень похожий на Гитлера, сначала страшно не понравился нам. Но из допросов его и всех жителей, оказавшихся на хуторе, выяснилось, что никакого отношения к расправе с мирными жителями Лукьянчик не имеет, а сам он — бывший боец конной армии Буденного, готовый всегда помогать в борьбе с фашистами.

Признаюсь, то ли из-за внешнего сходства с Гитлером, то ли по другим причинам, не очень у меня лежала душа к Лукьянчику. Для проверки решил дать первое задание. Как раз в это время начальник фашистской жандармерии Майзер требовал от него выделить сто человек с лопатами, мешками и ломом и пятьдесят подвод для строительства какого-то укрепления. Я посоветовал Лукьянчику не выделять ни одного человека, а сам продиктовал Грише Энгорино письмо, и Гриша написал его по-немецки. До сих пор из слова в слово помню содержание этого письма:

«Господа фашисты! Зачем вам люди, мешки, ломы и лопаты? Убирайтесь с нашей земли! Все равно вам жить осталось недолго». И подписал: «С партизанским приветом. Начальник особого отдела бригады «Спартак» Н. Выжлов».

С этим письмом я отправил Лукьянчика к Майзеру. Ни один человек на строительство укрепления не вышел. А Майзер, оказывается, несколько дней с отрядом полицаев носился за нами по пятам, разыскивая «бандита Выжлова, цыгана Гороховского и еврея Энгорино». Но у нас везде были надежные люди. Они всегда предупреждали нас об опасности, в трудных случаях укрывали.

Во время этой же поездки я встретился с замечательными нашими разведчиками, бесстрашными патриотами: жительницей местечка Ражни Степанидой Адамовной Петровской, которая весь период оккупации, не считаясь ни с какими трудностями, подвергая опасности свою единственную дочь, 6—8-летнюю Алину, выполняла партизанские задания, с Леонтием Мартемьяновичем Дорофеевым из деревни Пасютишки, в

доме которого с конца 1943 года даже размещался штаб одного из партизанских отрядов бригады имени Жукова, и другими. Сердце наполнялось гордостью за нашу непобедимую Родину, за наш мужественный героический народ.

ФЛАГ НАД ВИДЗАМИ

С весны 1944 года в Видзовском районе прочно установилась партизанская власть. Наша бригада еще с осени, с годовщины Октябрьской революции, ни разу не покидала свой партизанский край. Были разгромлены все близлежащие гарнизоны. И только в районном центре — городе Видзы стоял полк Рижской полевой полиции, насчитывающей четыре тысячи человек, сотни три-четыре литовских и местных полицаев, жандармерия да группа вооруженной пожарной охраны.

Справиться с этим гарнизоном мы пока были не в состоянии. Зато по указанию штаба партизанского движения на железных дорогах велась настоящая «рельсовая война». Один за другим летели под откос направляющиеся к фронту вражеские эшелоны. Одна только диверсионная группа Лени Стародубцева, в которую входили ленинградский паренек, комсомолец Саша Мокроусов, местный партизан, еврей по национальности Янкель Наткевич и белорус Коля Дикович, пустили под откос одиннадцать эшелонов.

Фашисты организовали специальные команды, которые быстро растаскивали поврежденные, но не свалившиеся вагоны, восстанавливали железнодорожное полотно, усилили охрану дорог. Тогда партизаны перешли к новым методам действий. В назначенные дни на рельсовые бои уходили всем партизанским отрядом, всей бригадой, оставив на базе лишь охрану. Возле железнодорожного полотна выставляли заслоны или даже вступали в скоротечный бой с охраняющими дорогу фашистами. И подрывали буквально рельс на расстоянии сразу десятков километров. Ясно, что после таких повреждений движение прекращалось на много дней.

Это была серьезная помощь фронту. А дыхание его с каждым днем становилось все ошутимее. Напуганные стремительным наступлением советских войск, фашисты и их прислужники — полицаи уже не помыш-

ляли о каких-либо крупных наступательных операциях против партизан, а отсиживались в укрепленных гарнизонах. Не предпринимал никаких действий и Видзовский гарнизон. Видимо, там подумывали больше о том, как им прорваться через партизанский край дальше на запад.

Однажды, в первых числах мая, возвращаясь с разведывательного задания, я проходил совсем рядом с Видзами. Возле деревни Дерваны меня подозвал к себе местный житель Котов и сказал, что в их деревне сидит один полицаи из размещенного в Видзах Рижского полка полевой полиции. Я решил попробовать взять его в плен.

Котов показал мне дом, в котором сидел полицаи. Я быстро распахнул дверь и увидел за столом человека в немецкой форме. Винтовка и ремень с подсумками висели на гвозде над кроватью, на столе стояли стакан и бутылка самогонки. При моем появлении человек не испугался, посмотрел на меня даже равнодушно, хотя был он не так уж пьян.

— Что, будем стреляться или поговорим, как человек с человеком? — спросил я.

— А... а... все равно, — он махнул рукой и начал искать второй стакан, чтобы налить и мне.

Я понял его состояние. Такие в то время стали попадаться все чаще. Они, наконец, начали понимать, что служба в полиции завела их в тупик, никакого выхода нет. И с полнейшим безразличием относились ко всему, что бы их ни ждало. Пуля, расстрел — что угодно, только не служить в полиции.

Я расспросил, кто он, откуда, как попал в полицию. Помню: звали его Брониславом, по национальности русский, сын эмигрированного в Латвию еще во время революции не особенно состоятельного торговца. Бронислав сказал, что воевать против нас он не хочет, что ему все равно: расстреляют его или дадут возможность искупить свою вину в рядах партизан.

Решил доставить его в отряд. Снял с себя плащ, приказал ему надеть его на себя, иначе, увидев его форму, партизаны могут открыть огонь, даже не дождавшись, когда он подойдет и объяснит все.

На допросе Бронислав рассказал о настроениях среди полицаев, о том, что Видзовский гарнизон сов-

местно с гарнизоном пограничного литовского городка Васевичи собирается предпринять вылазку против нас, а затем пробиваться на запад. От него же узнали, что как раз на второй день отряд полицаев с обозом должен выехать из Видз за дровами.

И действительно, на другой день отряд выехал с обозом. Часть его мы перебили, а часть забрали в плен. В этой небольшой операции принимал участие и Бронислав. Была затем и вылазка Видзовского гарнизона. Мы к ней были готовы и дали хороший отпор. Правда, в бою я был ранен в плечо и временно выбыл из строя.

Но дни немецкой оккупации были уже сочтены. Не прошло и месяца, как укрывшимся в Видзах полицаям пришлось удирать из своего гарнизона под натиском уже регулярных советских частей.

Прорвались они неожиданно. Еще накануне не было слышно грохота фронтовых орудий, и вдруг 7 июля на дороге к Видзам показалось несколько наших автомашин с прицепленными сзади орудиями. Это оказалась прорвавшаяся далеко вперед гвардейская часть. При помощи партизан гвардейцы быстро освободили город от остатков полицаев. И тут же на центральной площади возникло стихийное торжество. Тысячи партизан, жителей окрестных хуторов обнимали, целовали статных гвардейцев с непривычными для нас погонами на плечах, подкидывали их высоко в воздух.

Правда, фашисты быстро опомнились, что по сути дела в их тыл прорвался всего лишь небольшой отряд, и начали против Видз наступление. В разгаре всеобщего ликования рядом с Центральной площадью разорвался один снаряд, второй. Затем к городу поползли фашистские танки.

Бой разгорелся с новой силой. Гвардейцы заняли оборону, окопавшись на невысоком холме возле самой дороги — бывшем городском кладбище. Развернув орудия, они меткими выстрелами расстреливали вражеские танки, косили пехоту. С флангов им помогали партизаны. Ни один танк, ни один гитлеровский солдат не прошел в город. И все же с наступлением темноты пришлось временно отступить.

Но ненадолго. Через три дня подошли основные части Советской Армии. Над Видзами снова взвился красный флаг. Больше тысячи партизан из бригады

«Спартак» влились тогда в ряды Советской Армии. Уже в рядах регулярной армии они отправились дальше на запад — добивать ненавистного врага. А мне из-за ранения пришлось срочно на самолете лететь в госпиталь.

* * *

Давно отгремели залпы второй мировой войны. Трудящиеся Советского Союза в мирном труде осуществляют вековую мечту человечества — построение коммунизма. Но память о прошлых боях будет жить вечно, как память о героическом прошлом нашего народа. Как урок разномастным поджигателям войны: «Кто на Русь с мечом придет, тот от меча и погибнет!»